

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-22-31

ЯЗЫК НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© Марсель Бакиров

LANGUAGE OF THE VOLGA BULGARIA POPULATION IN THE LIGHT OF NEW RESEARCH

Marsel Bakirov

The article explores, from new standpoints, the language of the Volga Bulgaria population, which is the subject of endless disputes between Chuvash and Tatar researchers, as well as Turkologists in general. Based on the linguistic features of Bulgar epitaphs and relics of colloquial speech, the article, for the first time in research, considers the language of the Bulgar population as two unique, but interconnected dialects, each of them having its own origins and its own ethnic components that distinguish one from the other. In the history of the development of these two dialects, we can single out the stage of their independent existence in different territories and the stage of joint coexistence within one state, when the processes of integration took place. Such a symbiosis eventually brought about the alignment of the two-dialect language and the victory of the Кыпчак type, which included adapted Oguz-Uigur elements. At the same time, the glottonic processes, accompanying the merger of the autochthonous Finno-Ugric peoples with the Turkic groups that came from the east, led to the formation of the mixed Chuvash ethnos, which was isolated from the bulk of the Bulgars.

Keywords: language, Bulgars, r-dialect, s-accent, rotacism, lambdaism, Caucasus, Serebrennikov, Finno-Ugric peoples, Кыпчакс.

В статье с новых позиций исследуется язык населения Волжской Булгарии, который является предметом нескончаемых споров между чувашскими и татарскими учёными, а также тюркологами вообще. Исходя из языковых особенностей болгарских эпитафий и реликтов разговорной речи, автор впервые из исследователей язык болгарского населения рассматривает как два своеобразных, но взаимосвязанных между собой наречия, каждое из которых имеет свои истоки и свои этнические компоненты, отличающие его от другого. Если в одной группе носителей этих наречий доминировали пришельцы из Предкавказья и Средней Азии, то в другой – постоянно проникавшие с юга кыпчакские и общетюркские группы. Между этими языковыми группами, оказавшимися на территории одного и того же государства, довольно долго происходили интеграционные процессы.

Такой симбиоз в конце концов завершился нивелированием двунаречного языка и победой языка кыпчакского типа с адаптированными огузо-уйгурскими элементами. Вместе с тем глоттонические процессы, сопровождавшие на смежных территориях слиянием автохтонных угрофиннов с пришлыми с востока тюркскими в своей основе группами, привели к образованию смешанного, но обособленного от основной массы болгар этноса чувашей.

Ключевые слова: язык, болгары, r-наречие, z-наречие, ротацизм, ламбдаизм, Кавказ, Серебренников, угрофинны, кыпчаки

Формирование и становление болгарского этноса и его специфического языка – за исключением отстаиваемого нами участия в этом процессе ранних тюрков западного происхождения – первоначально проистекали в регионе Средней Азии в Туране (территория современного Западного Казахстана) при непосредственном участии родо-племенных объединений угрофиннов, особенно угров. Помимо проживающих на востоке

групп, к ним относят оногуров, которые, согласно устоявшемуся мнению, играли ведущую роль в этногенезе болгар и близких им по языку хазар и печенегов. Ряд исследователей считают болгар смешанным объединением, состоящим из угров и тюрков, которое сказывалось в их языке [1, с. 106].

По сведениям византийского историка Прииска Панейского, лично побывавшего в ставке

Атиллы (V в.), после столкновения с сапир-сабирами тюркизированные угорские племена из региона Средней Азии переселились в пределы Западного Кавказа и восточные Приазовские степи, где они объединились и слились с местными жителями, и на этой территории «при решающей роли оногурских племен возник племенной союз болгар». На этой основе образовалось государство Великой Болгарии [2, с. 136–137].

Не вдаваясь в подробности истории распада этого недолговечного государства и переселения определенной части его населения после этого в Среднее Поволжье, другой части – на Дунай, а также не распространяясь о «черных болгарях»¹ (в древнерусских источниках они названы внутренними болгарями), оставшихся жить в пределах прежнего местообитания, обратим внимание на свою концепцию о языке населения Волжской Болгарии.

Изучая смешанный язык болгарских эпитафий, мы решили выделить в языке населения болгарской народности два наречия²: 1) болгаро-огурское наречие с ротацизмом ($r \leftrightarrow z$) и ламбдаизмом ($l \leftrightarrow ш/з$), по другому это – *p*-язык, относящийся по современной классификации тюркских языков к огорской (огуро-оногуро-болгарской) группе, и 2) болгаро-кыпчакское наречие (огузо-кыпчакского типа), по другому – *z*-язык, принадлежащий, по общей классификации, к огузской (огузо-карлуко-кыпчакской) группе тюркских языков.

В основу данного деления положен фонетический принцип. Для болгаро-огурского наречия характерно использование звука *r(p)* там, где в параллельных словах в общетюркских языках, в том числе в болгаро-кыпчакском наречии, представлен звук *z(z)*. Это явление ($r \leftrightarrow z$) принято называть **ротацизмом**. Примеры: *чөр* (булг.) – сто ~ *йөз* (др.-тюрк.) – то же | *твир* (булг.) – девять // *токуз* (др.-тюрк.) – ‘девять’. А так называемый ламбдаизм – это схожее с ротацизмом явление ($l \leftrightarrow ш/з$), когда звук *л* используется вместо обычного *ш/з* в общетюркских языках, а также в болгаро-кыпчакском наречии. Например: *бел-им*

(болг.) – ‘пятый’ // *беш-инч* (др.-тюрк.) – то же | *елик* (болг.) – ‘дверь’ // *ешик* (др.-тюрк.) – то же. Очевидно, из-за меньшей активности этого явления в болгарском языке ламбдаизмов сохранилось очень мало, хотя и слов с ротацизмом в нём засвидетельствовано не много.

Носители этих двух родственных между собой языковых ветвей жили рядом в одном и том же государстве и, являясь по существу этническими группами, составляли единую народность. Иначе говоря, «за спиной» языка народности, имевшей смешанный, «двуязычный» контингент, стояли самоназванные – «болгары» – и общее государство, а также, за исключением чувашей, общая мусульманская религия.

Что же касается чувашей, то они по факту происхождения, языку и религиозным верованиям довольно сильно расходились от прибывших с юга болгарских групп и от языка их эпитафий, кроме общности спородически встречающихся ротацизмов и ламбдаизмов. В болгарских эпитафиях они ограничиваются, в основном, названиями чисел. Причём эти числительные по своей лексической основе – тюркские. Как показывают результаты исследований, чуваша держались особняком, из-за чего они не поддались общетюркской интеграции и сохранили свой «испорченный» язык.

Раз так, то вышеописанные языковые ветви, во многом схожие и даже смежные и идентичные в употреблении общетюркской лексики, мы вполне вправе рассматривать как два основных наречия языка болгарского населения или, вернее, болгарской народности.

Всё это подтверждается, прежде всего, весьма интересным в первой половине XI века сообщением Аль-Бируни, который утверждал, что «болгары и сувары говорят особым языком, смешанным из тюркского и хазарского» [4, с. 55]. А учёный того же века Махмуд Кашгари отмечает сходства языков болгар, сувар и печенегов («бажанак») [5, с. 66]. В последующем, XII веке, арабский учёный Аль-Идриси писал, что у г. Булгара располагается земля тюркских болгар («булгар ат-тюрк»), а севернее их – земля тюркских печенегов («бажанак ат-тюрк») (цит по: [6, с. 158]). Присутствие в этом извлечении этнонима печенегов, относящихся к языкам болгарского типа, не должно нас удивлять: археологи и историки не исключают, что «какая-то часть печенегов могла найти прибежище в волжско-болгарских пределах» [7, с. 323].

Нетрудно увидеть в этих сообщениях именно двойкий характер болгарского языка, состоящего из общетюркского слоя и слоя угорского типа. По мнению отдельных исследователей, этим и

¹ Ряд исследователей считают, что эта группа составила первоначальное этническое ядро карачай-балкарцев, в формировании которых позже участвовала также кыпчаки, проникавшие в IX–XII вв. на Кавказ из южных степей [3, с. 235, 239].

² Наречие – это крупная единица членения языка этноса или народа, объединяющая в себя более мелкие единицы – диалекты. Как отмечают специалисты, в болгарском языке Среднего Поволжья, особенно в начальном периоде, были и племенные диалекты различного характера.

объясняется этноним «булгар», корень которого в варианте *булг-* означает «размешивать или смешанный», а *ар* – «человек, люди». В X веке Ибн Фадлану, побывавшему в составе посольства Багдадского халифата в Волжской Булгарии, удалось зафиксировать двоякое название одной и той же речки: *Джаушыр* и *Джаушыз*, что является следствием двух различных произношений или наречий у местных жителей.

Мы бы к этому факту добавили обнаруженные и реконструированные лингвистами двоякое оформление одного и того же слова с общим значением. Речь идёт о древнебулгарской праформе *шарукань* – ‘дракон’, заимствованной венграми в стяжённом формате *шаркан*, а также *sarkany*, означающим «змея» и «дракон», соответственно. Но в кыпчакском наречии этому слову соответствовал *саз(а)ган*. Эти же праформы с двумя р- и з- вариантами засвидетельствованы в структуре р-наречия *sarqin* – ‘гроза’ (<дракон) в канджутском языке Памирской группы языков [8, с. 45], [9, с. 11, 14], а также в языке сакских племён в рамках з-наречия: *sard / sazda* (тумшуко-сак.) ~ *saysda* (хотано-сак.) – ‘змея’. На наш взгляд, эти праформы именно отсюда, то есть из региона Средней Азии, должно быть, через посредство мигрировавших на запад смешанными с тюрками огорских (оногур, савир / сапир) и огузско-кыпчакских групп попали в среду болгарских племён. А от них они, разумеется, в адаптированном з- (ж-)наречии *нажагай / ажаган* – ‘зарница’ (<дракон) и *назаган* – ‘молния, зарница’ были унаследованы татарами и башкирами.

Вполне естественно, что эти отличительные особенности речи местного населения нашли отражение и в языке эпитафических памятников Булгарии, являющихся особой ритуальной разновидностью письменно фиксированного литературного языка³. В болгарских эпитафиях сохранились образцы не только болгаро-огорского р-наречия, которые представлены в памятниках 2-го стиля с ротацизмами: *жүр* (булг.) ⇔ *йүз* (общетюрк.) – сто | *сәкер* (булг.) ⇔ *секиз / сикиз / сигез* (общетюрк.) – восемь | *тохур* (булг.) ⇔ *то-*

куз / тугыз (общетюрк.) – девять | *хир / бир* (булг.) ⇔ *кыз* (общетюрк.) – дочь, а также ламбдаизмами (л↔ш): *бел* (булг.) ⇔ *беш / биш* (общетюрк.) – ‘пять’ | *элик / елик* (булг.) ⇔ *ишик / ешик / ишек* (общетюрк.) – ‘дверь’. В подавляющей части лексики болгарской эпитафии, особенно в памятниках 1-го стиля, нашли отражение образцы другого, огузско-кыпчакского з-наречия, которые по праву считаются общетюркскими.

Как справедливо заостряют внимание исследователи болгарской эпитафии Д. Г. Мухаметшин и Ф. С. Хакимянов, ряд обычных слов, отмеченных в словаре Махмуда Кашгари (XI в.) как суварские и болгарские, фактически являются лексемами не только болгар, но и относятся также к словарному фонду огузско-кыпчакских языков [11, с. 85]. Это говорит о том, что болгарский язык состоял не из одних лишь ротацирующих и ламбдирующих слов. К тому же их в составе священных ритуальных текстов сравнительно мало, о чём красноречиво свидетельствуют и надписи эпитафий.

Но, исходя из этого, нельзя делать вывод, как это делают некоторые современные исследователи, что, якобы, «булгарский язык никогда в истории не был чувашского типа р-языком и он с самого начала своего возникновения был типично тюркским з-языком и таким остаётся и поныне. Иными словами, булгарский язык не был ротацирующим, представляет собой обычный тюркский язык» [12, с. 145, 147].

Как видим, разительное утверждение построено на игнорировании общепринятого в тюркологии взгляда о специфическом характере болгарского р-языка, послужившего основанием для создания особой классификации тюркских языков, разделяющей их на общетюркские з-языки и р-языки болгарского (а не чувашского, как утверждают названные авторы) типа. Более того, приволжский р-язык и заодно все мусульманские эпитафии с арабской надписью и, естественно, с ротацизмом этими же исследователями приписываются чувашскому населению. То есть, якобы, принявшей ислам его части. И только эпитафии з-языком признаются принадлежащими подлинным болгарам.

Три года спустя точно с такой же версией, правда, без ссылки на труд её авторов, выступил чувашский учёный, профессор С. Милютин [13, с. 5, 80] Подвергнув критике чувашских историков, а также известного тюрколога-лингвиста Н. Баскакова как сторонников болгарского происхождения чувашей, он пытается доказать, что «чувашаи – это исторические преемники хуннов».

Хотя в определении генезиса и характера болгарского и чувашского языков вышеизложен-

³ Обнаруженные в Орхоно-енисейских письменных текстах диалекты представляли собой тоже «смесь главным образом двух языковых стихий устного койне: огузской (винительный падеж на *-у*), прошедшее время на *-ту*...) и уйгурский (d в середине имён и глагольных основ – *adaq* – нога, *god* – положить, дательный падеж на *ға*...) ...С введением тюрками рунического письма устное койне было узаконено как литературный стандарт, получивший твёрдую общественную опору в условиях государственного союза» [10, с. 27].

ные авторы расходятся, но в оценке надмогильных надписей с ротацизмом как «чувашизм», принадлежащих, якобы, чувашской части населения, они смыкаются в одной и той же точке. Позицию чувашского учёного можно ещё понять. А как понять наличие в голове схожей позиции у татарских учёных, которые, исходя из предвзятой переориентации, *легкомысленно отказываются от исламизированного наследия наших предков, представляющих одних из ранних и основных этнических компонентов приволжских татар?!*

Как известно, Аристотель, единственный ученик Платона, осмеливавшийся спорить со своим учителем, говорил: «Платон мне друг, но истина дороже». Подражая этому мудрому изречению, хочется сказать: «Мирфатых Закиев – мой уважаемый учитель, но истина, действительно, дороже». Потому что мне неизвестно, чтобы бывшие язычниками до XVIII века чуваша приняли тогда ислам или хотя бы когда-либо пользовались арабской графикой. Это нонсенс! Если даже допустить, что какая-то часть чувашей, отатарившаяся, могла принять ислам, то они (это же капля в море) никак не могли задавать тон и стать ведущим компонентом населения страны, которые оставили около трёх сотен мусульманских эпитафий.

Однако для нас, вне всякого сомнения, бесспорно то, что в Приволжской Булгарии в тот период у болгарского населения существовало два наречия и болгары, естественно, пользовались как в ритуальной практике, так и в повседневной и общественной жизни обоими наречиями. Потому что и в основе письменного литературного языка лежали характерные особенности живого языка местного населения. И надо признать, что носители з-наречия, то есть оказавшиеся на территории Булгарии кыпчако-угузские группы, тоже, думается, испытывали определённое влияние болгарского р-наречия. Хотя и оба наречия принадлежали одному и тому же народу, ситуация в тот период в Среднем Поволжье напоминала если и не двуязычную, то определённо смешанную среду.

Именно результатом такого влияния нужно считать следы болгарского ротацизма, например, сохранившееся выражение в татарском языке, как *кыз-кыркын* (р // з) – ‘девчата’, а также, возможно, диалектные или инновационные эквиваленты отдельных глаголов или лексем: *яткыр / яткыз* – ‘уложи, укладывай’ | *аткар / атказ* – ‘сбывай’ | *житкер / житкез* – ‘доводи, донеси’ | *ниргә / ни(ги)ргә* – ‘основание, венец сруба’ // *нигез* – ‘основание, фундамент’ | *чәер / чайр* – ‘смола, живец’ // ? – *сагыз* – ‘смола, жвачка’ | *тагарак* –

‘деревянное корыто’ // ? – стяженная пара – *таз / тас* | *тирес* – ‘навоз’ // *тизэк* – ‘помёт, навоз’ | ? – *турайту* // *төзәйтү*. Вполне возможно, что некоторые из приведенных примеров могут быть оспорены.

Но бесспорно и показательно то, что принадлежность определённой части приволжского болгарского языка к ротацизирующему р-языку убедительно и неоспоримо подтверждается ещё и тем, что как у Предкавказских болгар, так и у болгар на Дунае как реликты сохранились лексемы с ротацизмом, да и некоторые другие особенности. Так, засвидетельственный в западных источниках древний топоним *Чор* (вар. *Джор / Жор*) является тюркской лексемой, отражающей наречие коренных племен Кавказа. Но самое интересное то, что она отражает местный «болгарский» диалект: *чор / жор* // (л → р; й → ж, ч) – *jol / žol* (др.-тюрк.) – ‘дорога’ (Каспийский или по-другому Дербентский проход). А вот топонимы из бывшей территории Великой Булгарии, в которых угадываются остатки болгарского ротацизма (r/z): *Агуз* – ‘ущелье’ (< отверстие) в долине Теберды // *агуз* (др.-тюрк.) – ‘рот’ < отверстие | *Муртаг* – *мур* – ‘лёд’ // *муз / буз* (др.-тюрк.) – «то же + *тагъ* (др.-тюрк.) – ‘гора’ = ‘Ледяная гора’, вершина хребта Куньялунь [14, с. 107, 125]. Сюда же можно присоединить карачаево-балкарское прилагательное *терк* – ‘быстрый (ая), стремительный(ая)’, древний ороним Терек с ротацизмом // *tezig* (др.-тюрк.) – ‘быстрый (ая), стремительный (ая)’, являющийся явно болгарским названием реки на Кавказе | *Хурзук* – правый исток Кубани // *кузрук* (тюрк. / шор.) – ‘хвост’ ~ *хузурук* (хак.) ~ *куйрук* (алт.) – «то же» [15, с. 31–32].

Между тем бывшее языковое родство и преемственность между предкавказскими болгарскими, в том числе савиро-суварами и Волжскими болгарскими, проявляется и в названии города Сувар, а также неожиданно всплывает в общем титуле бывших правителей двух государственных объединений, значительно отдаленных друг от друга по времени и по пространству. Так, титул «*эльтебер*» сначала был зафиксирован в формате *Алп-Илитвер* (< *эльтебер*) как часть собственного имени у правителя объединения сабиров *Джидан* (у арабских авторов – царство *Сувар*), а позднее этот же титул носили уже правители Волжской Булгарии. На наш взгляд, данный нерасшифрованный до этого титул представляет собой трёхсоставное тюркское слово: *эл / ел* (др.-тюрк.) – ‘племенной союз, народ, страна, государство’ + *тебе* (*töbü / tüpü* (др.-тюрк.) – ‘голова, макушка, вершина’ + *-p(-ep)* – архаический суффикс принадлежности или означающий деятеля,

который восходит к *ар* – ‘муж, человек’. Отсюда этимология этого титула: ‘голова (глава) страны / государства’ (retr. племенного союза), который, кстати, употребляется в другом оформлении, но в том же значении у тюрков, в частности у казахов, и сейчас: *ил башы* – то же.

Следы уже мёртвого болгарского языка на Кавказе исследователи обнаруживают также в том или ином языке, контактировавшем когда-то с булгарами. Ими было выявлено наличие в раннесредневековом Дагестане болгарских диалектов, в том числе присутствие в курдском и лакском языках пережитков ротацизма, а также других болгаризмов, унаследованных дагестанскими языками ещё до прихода на эту территорию носителей кыпчакского языка. Ряд таких архаических слов, кстати, вкраплены в «Истории агван Моисея Каганкатвацы» (СПб., 1861), которую М. И. Артамонов назвал «первоклассным источником по истории хазар», а значит, и по истории болгар [1].

Заодно приведем примеры, зафиксированные в «Именнике болгарских князей», который был обнаружен и опубликован в 1886 году. Этот текст, где зафиксированы имена правителей Дунайской Болгарии, а также числа и названия разных животных, рядом исследователей рассматривается как именник, в котором даты правления князей увязаны с календарем животного цикла, бытовавшим в различных вариантах у древних тюрков. Для нас здесь интерес представляют древнеболгарские порядковые числительные: *эле́м* – ‘первый’, *вече́м* – ‘третий’, *тоу́том* – ‘четвёртый’, *алто́м* – ‘шестой’, *жэ́тием* – ‘седьмой’, *ше́хтем* – ‘восьмой’, *тове́рм* – ‘девятый’, *о́ным* – ‘десятый’ и т. д. По мнению Д. Г. Мухаметшина и Ф. С. Хакимзянова, аффикс *-ом /-ым /-ем* при количественных числительных придаёт им значение порядковых чисел, а также имеет разделительный оттенок [11, с. 67].

Чтобы поддержать такую идею вслед за немецким востоковедом О. Прицаком (ибо есть необоснованные попытки игнорировать её), я бы привёл здесь омонимообразные обороты с этим же архаическим аффиксом, где реально ощущаются заложенные в них порядковое и разделительное (противоположные) значения: *бер-эм-сар-эм* – ‘поодиночке, изредка’, *килем-ките́м* – ‘приход и расход, уход’, *керем-чы́гым* – ‘посетители, пришедшие и ушедшие’, *алым-салым* – ‘всякие сборы, поборы’.

Своеобразный аффикс порядковых числительных на *-ем /-ым /-ом* встречается и в диалектах азербайджанского и турецкого языков, входящих в огузскую лингвистическую группу. Вот пример – детская считалка из турецкого языка:

*Бирем, икем,
Камчы дикем,
Сарам сакыз,
Дорам токуз
Тамам отуз.*

Раз, два,
Водружу плётку,
Ситок (?) восемь,
Сетей девять,
Всего тридцать

[16, с. 32].

Но для нас главное в вышеуказанных порядковых и разделительных числительных – это *товерм* < *твир-ем / tvir-em // токуз* – ‘девятый’, а также фиксированный без суффикса *шегор // секиз* – ‘восемь’, где явно выступает болгарский ротацизм (р // з). Эти же числительные, оформленные в рамках р-языка, что весьма показательно, были обнаружены и в эпитафии Приволжских болгар. Разве вышеперечисленные факты не аргумент в пользу языковой преемственности между Дунайскими булгарами и булгарами Поволжья?!

Правда, в языке современных дунайских болгар изоглоссы с ротацизмом, за исключением единичных случаев (например, вышеприведённое слово *вир*), по-видимому, уже давно исчезли, поскольку Дунайская Болгария «ославянилась», вдобавок, три с половиной века (с XV по второй половины XVIII столетия) находилась под властью Османской империи. И от турков, носителей з-языка, в болгарский язык проникло, как утверждают специалисты, несколько тысяч турецких слов, и это способствовало нивелированию фонетических различий в немногочисленных субстратных словах, относящихся к раннему болгарскому языку [17, с. 127]. Что же касается чувашского языка, хотя по принятой классификации этот язык относится к группе языков болгарского типа, выведение его непосредственно из прибывших в Среднее Поволжье болгар из Предкавказья весьма спорно.

Как известно, ещё относительно недавно чувашский язык, в силу того, что так существенно отличался от остальных тюркских языков, рассматривался рядом иностранных и российских ученых (И. Г. Гмелин [18], И. Г. Георги [19], Г. Ф. Миллер [20], В. В. Радлов [21] и др.) как принадлежащий к угро-финской семье. Самым видным представителем среди них был академик В. В. Радлов, который считал, что чуваша не тюрки по происхождению и что они, благодаря непрерывному соседскому общению в течение длительного времени, постепенно, в несколько периодов, усвоили тюркский язык, видоизменив его на почве собственного, ныне ими совершенно забытого языка (цит. по: [12, с. 148]).

Концепция В. В. Радлова о нетюркской основе чувашского языка первоначально разделял Н. И. Ашмарин. Однако позже, изменив свою точку зрения, но сохранив при этом убежден-

ность в участии в этногенезе чувашей угрофиннов, высказал суждение иного характера: «Я держусь в настоящее время другого мнения и думаю, что дело здесь обстояло иначе. Не чужеродцы исказили перенятое ими (чувашами) тюркское наречие, а тюрки (чувашаи) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья» (цит по: [22 с. 115]).

В настоящее время ряд исследований, без учёта влияния окружающей этнической среды, приводившей к коренным стадильным изменениям, ставит чуть ли не знак равенства между болгарским и чувашским языками. Некоторые даже, делая более древним процесс формирования чувашского этноса, переносят прародину чувашей из волжско-камского региона в древнюю Центральную Азию [23, с. 214]; [24, с. 222–224]. Мы уже не будем выделять здесь антинаучный опус Г. Егорова «Воскресение шумеров» [25], считающийся ниже всякой критики, который связывает прародину чувашей с Передней Азией, отождествляя при этом прачувашей напрямую с шумерами.

Между тем ряд здравомыслящих тюркологов считают чувашей народом, по большому счету, местного, автохтонного происхождения, который формировался в результате смешивания и интеграции угрофинских и тюркоязычных племён или народностей, оказавшихся на смежных территориях [26, с. 42–44]; [27, с. 90–91]. А это значит, что чувашский язык в своей основе представляется языком местного происхождения.

Любопытно отметить, что и на научной сессии в Чебоксарах (1957 г.), посвященной происхождению чувашского народа, победила концепция коренных, то есть местных учёных В. Г. Егорова и Н. Ф. Калинина именно об автохтонном происхождении чувашей. В. Егоров признает лексическое и грамматическое влияние восточнофинских языков на чувашский язык, а также «скрещение и слияние верховых чувашей с горными марийцами», у которых бытовая культура и даже антропологический тип одинаковы с чувашами [27, с. 90–92].

Особого внимания заслуживает концепция крупного специалиста по сравнительному языкознанию Б. А. Серебрянникова. Опираясь на обнаруженные в современном регионе проживания чувашей общие с марийцами, а также собственно марийские архаичные топонимы, он пришёл совершенно к своеобразному и твёрдому заключению, что «процесс «наслоения» и формирования чувашей проходил не в Марийской республике, а на территории Чувашии, где, кстати, жили раньше и марийцы. На данную территорию, занятую

в древности марийскими племенами, после прихода камских булгар в Поволжье, а может быть, и значительно раньше, – продолжает исследователь, – проникали тюркоязычные племена. И на этой базе происходило внутрорегиональное контактирование древнемарийского и предка будущего чувашского языков. И как раз тут в результате контакта в раннетюрко-чувашском языке появилось ряд черт в области фонетики, морфологии и синтаксиса, не свойственных другим родственным языкам тюркоязычной группы [26, с. 42–44].

Мощное влияние местных угрофинских языков на чувашский язык, приводившее к кардинальным изменениям, признаёт вслед за Б. Серебрянниковым и азербайджанский языковед Айдын Мамедов. Он пишет: «Большая близость чувашского и финно-угорского консонантизма (система согласных звуков) наводит на мысль, что чувашская дистрибуция (размещение) согласных с обязательным глухих (*n*, *m*) в начальной позиции – явление вторичное и возникло оно под воздействием нетюркского субстрата, предположительно финского или относительно позднего влияния марийского языка [28, с. 80].

Непосредственное субстратное влияние финно-угорских языков на чувашский язык прослеживается также в системе падежа и в системе личных и неличных форм глагола [29].

Концепция, связывающая происхождение чувашей с решающей ролью именно местных угрофинских племён, конечно, вызвана к жизни не беспочвенно, а исходя из того, что чувашский язык, вопреки устаревшим и натянутым взглядам алтаистов, довольно разительно расходится с болгарским языком. Если конкретно, то, кроме параллельных явлений ротацизма и ламбдаизма (а они ограничиваются немногочисленными тождественными примерами), в чувашском языке ничтожно мало лексических архаизмов, которые могли бы считаться непосредственно унаследованными от поволжско-камских булгар.

Более того, считающиеся родственными с болгарским языком чувашские параллели на деле расходятся до неузнаваемости. Вот характерные примеры: *жал* (булг.) ↔ *зул* (чув.) – ‘год’ | *жүр* (булг.) ↔ *сёр* (чув.) – ‘сто’ | *шэштэм* (булг.) ↔ *саккыр* / *саккар* (чув.) – ‘восьмой’ | *жиати* (булг.) ↔ *сичёё* (чув.) – ‘семь’ | *твир* (булг.) ↔ *тăхăр* (чув.) – ‘девять’. Где здесь прямая преемственность?!

Как видим, чувашский язык отличается использованием в начале слов сигматизма (ç) вместо ж в болгарском. Примечательно то, что с акустической точки зрения, ç (s') имеет финно-

угорское происхождение (встречается в мариинском, мордовском и удмуртском языках) [30, с. 76].

Анлаутное ж, кроме болгарского и хазарского языков, представлено ещё в балкарском, казахском, ногайском и татарском (средний диалект) языках. Забегая вперёд скажем, что это явление в татарском языке (можно сюда же добавить и балкарский язык) считается реликтом, вернее, унаследованным из болгарского языка субстратным явлением.

Необходимо особо подчеркнуть, что в болгарском языке имелись звонкие согласные (б, г, з, и др.), тогда как в языке чуваш они отсутствовали, и даже сейчас они в определённых позициях в чувашских словах не употребляются. На эту особенность чувашского языка обратил внимание ещё Н. И. Ашмарин [3, с. 305].

Далее чувашский язык выделяется наличием аффикса множественного числа *-сем*, не характерного ни болгарскому, ни общетюркскому языкам, или же частицей отрицания *-ан* (вместо *-ма /-ме* в общетюркском), заимствованной из удмуртского и коми языков [31, с. 236, 240]. И самое главное, этот язык выделяется наличием в словарном фонде значительного числа «мариизмов», которые, по утверждению Н. И. Егорова, представляют в чувашском языке местный субстратный слой [32, с. 58–65].

Судя по отдалённости от других тюркских языков, процесс тюркизации чувашского языка, в котором, как мы установили, с самого начала доминировал угро-финский пласт, остался незавершённым из-за проживания чувашей особняком на стороне, то есть на севере от основной территории Булгарии, а также из-за нашествия монголов.

А на основной территории Булгарии, благодаря проникновению токуз-огузов и емяков / емеков⁴ [33, с. 23–28], [11, с. 91], а также из-за систематического проникновения с юга общетюркско-кыпчакских групп, сюда же необходимо приплюсовать и воздействие огозо-кыпчакского литературного языка караханидов из Средней Азии – местное з-наречие ещё более набирало силу и язык населения, состоящий из двух наречий, постепенно нивелировался. Естественно, в конце концов собственно з-наречие вышло победителем и стало общенародным языком населения Булгарии. Надо особо подчеркнуть, что среди домонгольских токуз-гузов, имяков (имо), а также кыпчаков, были группы или роды, назы-

вавшиеся собственно *татарами*. Это свидетельствует о том, что процесс постепенного переименования населения Волжской Булгарии татарами вполне мог начаться ещё до прихода монголо-татар из Центральной Азии. Чувашский же язык при этом, в силу бытования его носителей обособленно, то есть севернее, от основной массы болгар, остался за орбитой и вне влияния этих кардинальных изменений.

Итак, мы имеем полное основание заключить, что, исходя лишь из-за присутствия в языке определённой части болгарского населения явления ротацизма (р ↔ з), отнюдь нельзя их отождествлять с чувашами или считать их прямыми предками чувашей, а значит, нельзя согласиться с распространённым утверждением, что «чувашский представляет собой прямое продолжение болгарского языка» [22, с. 119]. Я решительно разделяю пророческую, но научно оправданную и подтверждаемую объективными фактами позицию казанского историка и археолога В. В. Генинга, выраженной в словах: «Происхождение чувашского языка обычно связывают с древнеболгарским, хотя, по нашему мнению, чувашаи и болгары составляли две этнические группы, которые следует ставить параллельно, а не выводить одну из другой» [34, с. 125].

Список источников

1. *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937. 140 с.
2. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. СПб: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с.
3. *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Шупашкар: Чувашское книжн. изд., 2003. 464 с.
4. *Бируни Абдурейхан.* Избранные произведения. I. Ташкент: Изд.-во АН Узб.ССР, 1957. 486 с.
5. *Кашгари М.* Девани лугат ит-турк. Т.1. Ташкент, Фан, 1957. 1960 с.
6. *Халиков А. Х., Мухамедова Р. Г.* Исторические источники этнокультурных параллелей между туркменами и татарами Поволжья и Приуралья // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. 159 с.
7. *История татар с древнейших времён. Т. II.* Казань: Изд.-во «Рухият», 2006. 926 с.
8. *Добродомов И. Г.* Проблема стратификации иранских и тюркских топонимов в бассейне Северного Донца // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 44–45.
9. *Добродомов И. Г.* Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках : автореф. дис... д-ра филол.наук.: Москва, 1974. 37 с.

⁴ Емяки – одно из тюркских племён, входивших ранее в кимако-кыпчакскую федерацию на севере Центральной Азии.

10. Тенишев Э.Г. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. 1976. №1. С. 27–33.
11. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань. Татар. кн. изд. 1987. 127 с.
12. Закиев М. З., Кузьмин-Юмануди. Я. Ф. Волжские булгары и их потомки. Казань: НПО "ИНСАН": Рос. фонд культуры. 1993. 160 с.
13. Милютин С. Р. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары: Руссика, 1996. 78 с.
14. Байчоров С. Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Северо-Кавказский ареал. Черкесск. 1978. С. 103–131.
15. Хаджилаев Х. М. Очерки карчаево-балкарской лексикологии. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-черкесское отд. 1970. 159 с.
16. Мухамедова З. Б. Опыт исследования числительных в историческом плане // Исследования истории туркменского языка. Т.1. Ашхабад: Ылым, 1973. С. 5–22.
17. Байрамова Л.К. Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка. Казань, 2007. 330 с.
18. Gmelins, J. G Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733- bis 1743. Т. 1-2. - Göttingen : Vandenhoeck, 1751-1752, т.1, 2.
19. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / [Иоганн Готлиб, Георги]. СПб., 1799. т.1. 78 с.
20. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: С показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; : С приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы Отче наш на черемисском и чувашском языках. / Сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции; Изданием Имп. Акад. наук. Санктпетербург, 1791. 99 с.
21. Radlow W.W. Alttürkische Studien VII. Фонетика, морфология и заключение. II-я редакция. На нем. яз. 1916 г. 97 л. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 30
22. Фёдоров М. Р. В. В. Радлов и Н. И. Ашмарин о происхождении чувашского языка // Советская тюркология, 1971. С. 114–120.
23. Щербак А. М. К реконструкции древнего состояния тюркских языков // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 210–215.
24. Корнилов В. Г. Итоги и задачи изучения проблемы Сибирской прародины тюркских предков современных чувашей // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. С. 222–224.
25. Егоров Г. В. Воскресение шумеров [Язык и история чуваш. народа]. Чебоксары: Атал, 1993. 104 с.
26. Серебренников Б. А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. № 9. С. 33–57.
27. Егоров В. Г. Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. М., 1950. № 3. С. 79–
28. Мамедов А. Тюркские согласные анлаут и комбинаторика. Баку: Элм, 1985. 206 с.
29. Андреев И. А. Чувашский язык // Языки мира. Тюркские языки М.: Индрик, 1997. 481 с.
30. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное изучение татарского и чувашского языков. М.: Наука, 1978. 248 с.
31. Баскаков Н. И. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. школа, 1969. 383 с
32. Егоров Н. И. Проблемы генетической и хронологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности: автореф. дис... д-ра филол. наук: Алма-Ата, 1992. 82 с.
33. Бакиров М. Х. К вопросу о происхождении токуз-огузских элементов в булгаро-татарском литературном языке // Филология и культура. Казань, 2021. № 4. С. 23–28.
34. Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних булгар // Ранние булгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 24–43.

References

1. Artamonov, M. I. (1937). *Ocherki drevneishei istorii khazar* [Essays on the Ancient History of the Khazars]. 140 p. Leningrad. (In Russian)
2. Klyashtorny, S. G., Sultanov, T. I. (2000). *Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei* [States and Peoples of the Eurasian Steppes]. 320 p. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian)
3. Kakhovskii, V. F. (2003). *Proiskhozhdenie chuvashskogo naroda* [Origin of the Chuvash People]. 464 p. Shupashkar, Chuvashskoe knizhn. izd. (In Russian)
4. Biruni Abdureikhan. (1957). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. I. 486 p. Tashkent, Izd-vo AN Uzb.SSR. (In Russian)
5. Kashgari, M. (1957). *Devani lugat it-turk* [Devani Dictionary It-Turk]. T.1. 1960 p. Tashkent, Fan. (In Uzbek)
6. Khalikov, A. Kh., Mukhamedova, R. G. (1977). *Istoricheskie istochniki ehtnokul'turnykh parallelei mezhdu turkmenami i tatarami Povolzh'ya i Priural'ya* [Historical Sources of Ethno-Cultural Parallels between Turkmens and Tatars of the Volga and Ural Regions]. Problemy ehtnogeneza turkmenskogo naroda. 159 p. Ashkhabad, Ylym. (In Russian)
7. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* (2006) [The History of the Tatars from Ancient Times]. Т. II. 926 p. Kazan'. Izd-vo "RukhiyaT". (In Russian)

8. Dobrodomov, I. G. (1995). *Problema stratifikatsii iranskikh i tyurkskikh toponimov v basseine Severnogo Donitsa* [The Problem of Stratification of Iranian and Turkic Toponyms in the Northern Donets Basin]. *Chuvashskii yazyk i altaistika*. Cheboksary, pp. 44–45. (In Russian)
9. Dobrodomov, I. G. (1974). *Problemy izucheniya bulgarskikh leksicheskikh ehlementov v slavyanskikh yazykakh : avtoref. dis... d-ra filol.nauk* [Problems of Studying Bulgar Lexical Elements in Slavic Languages: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 37 p. (In Russian)
10. Tenishev, E. G. (1976). *Otrazhenie dialektov v tyurkskikh runicheskikh i uigurskikh pamyatnikakh* [Reflection of Dialects in Turkic Runic and Uighur Monuments]. *Sovetskaya tyurkologiya*. No. 1, pp. 27–33. (In Russian)
11. Mukhametshin, D. G., Khakimzyanov, F. S. (1987). *Ehpiigraficheskie pamyatniki goroda Bulgara* [Epigraphic Monuments of the City of Bulgar]. 127 p. Kazan'. Tatar. kn. izd. (In Russian)
12. Zakiev, M. Z., Kuz'min-Yumanadi, Ya. F. (1993). *Volzhskie bulgary i ikh potomki* [Volga Bulgars and Their Descendants]. 160 p. Kazan'. NPO "INSAN". Ros. fond kul'tury. (In Russian)
13. Milyutin, S. R. (1996). *Problemy ehtnogeneza i ehtnicheskoi istorii chuvashei* [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Chuvash]. *Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk*. 78 p. Cheboksary, Russika. (In Russian)
14. Baichorov, S. Ya. (1978). *O protobulgarskikh geograficheskikh nazvaniyakh v verkhov'yakh Kubani* [About the Proto-Bulgarian Geographical Names in the Upper Reaches of the Kuban]. *Voprosy vzaimovlianiya i vzaimoobogashcheniya yazykov. Severo-Kavkazskii areal*. Pp. 103–131. Cherkessk. (In Russian)
15. Khadzhihaev, Kh. M. (1970). *Ocherki karchaevobalkarskoi leksikologii* [Essays on Karchay-Balkar Lexicology]. 159 p. Cherkessk, Stavropol'skie kn. izd-vo, karachaevo-cherkesskoe otd. (In Russian)
16. Mukhamedova, Z. B. (1973). *Opyt issledovaniya chislitel'nykh v istoricheskom plane* [Experience in the Study of Numerals in Historical Terms]. *Issledovaniya istorii turkmenskogo yazyka*. T. 1, pp. 5–22. Ashkhabad, Ylym. (In Russian)
17. Bairamova, L. K. (2007). *Orientalizmy v leksike i frazeologii bolgarskogo yazyka* [Orientalisms in the Vocabulary and Phraseology of the Bulgarian Language]. 330 p. Kazan'. (In Russian)
18. Gmelins, J. G. (1751-1752). *Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733- bis 1743* [Journeys through Siberia from the Year of 1733 to 1743]. T. 1-2. - Göttingen : Vandenhoeck, t.1, 2. (In German)
19. Georgi, I. G. (1799). *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov : ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [Description of All the Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Fun, Religions and Other Sights]. Iogann Gotlib, Georgi. T. 1. 78 p. St. Petersburg. (In Russian)
20. Miller, G. F. (1791). *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Province, Like Cheremis, Chuvash and Votyaks]. S pokazaniem ikh zhitel'stva, politicheskago uchrezhdeniya, telesnykh i dushevnykh darovaniy, kakoe plat'e nosyat, ot chego i chem pitayutsya, o ikh torgakh i promyslakh, o khudozhestvakh i naukakh, o estestvennom i vymyshlennom ikh yazycheskom zakone, takozh o vsekh upotrebitel'nykh u nikh obryadakh, nrvakh i obyachayakh; : S prilozheniem mnogochislennykh slov na semi raznykh yazykakh, kak to na kazansko-tatarskom, cheremisskom, chuvashskom, votyatskom, mordovskom, permskom i zyryanskom, i priobshchennym perevodom gospodnei molitivy Otche nash na cheremisskom i chuvashskom yazykakh. / Sochinennoe Gerardom Fridrikhom Millerom, Imperatorskoi Akademii nauk professorom, po vozvrashchenii ego v 1743 godu iz Kamchatskoi ehkspeditsii; Izhdiveniem Imp. Akad. nauk. Sanktpeterburg, 99 p. (In Russian)
21. Radlow, W. W. *Alttürkische Studien VII. Fonetika, morfologiya i zaklyuchenie* [Old Turk Studies VII. Phonetics, Morphology and Conclusion]. II-ya redaktsiya. Na nem. yaz. 1916 g. 97 l. RAN. F. 177. Op. 1. 30. (In German)
22. Fedorov, M. R. (1971). *V. V. Radlov i N. I. Ashmarin o proiskhozhdenii chuvashskogo yazyka* [V. V. Radlov and N. I. Ashmarin about the Origin of the Chuvash Language]. *Sovetskaya tyurkologiya*, pp. 114–120. (In Russian)
23. Shcherbak, A. M. (1987). *K rekonstruktsii drevnego sostoyaniya tyurkskikh yazykov* [On the Reconstruction of the Ancient State of the Turkic Languages]. *Sushchnost', razvitie i funktsii yazyka*. Pp. 210–215. Moscow, Nauka. (In Russian)
24. Kornilov, V. G. (1969). *Itogi i zadachi izucheniya problemy Sibirskoi prarodiny tyurkskikh predkov sovremennykh chuvashei* [Results and Tasks of Studying the Problem of the Siberian Ancestral Home of the Turkic Ancestors of the Modern Chuvash]. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov*. Pp. 222–224. Tomsk, Izd-vo TGU. (In Russian)
25. Egorov, G. V. (1993). *Voskresenie shumerov: Yazyk i istoriya chuvash. naroda* [Resurrection of the Sumerians: Language and History of the Chuvash People]. 104 p. Cheboksary, Atal. (In Russian)
26. Serebrennikov, B. A. (1956). *Problema substrata* [Substrate Problem]. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznaniiya AN SSSR*. No. 9, pp. 33–57. Moscow. (In Russian)
27. Egorov, V. G. (1950). *Ehtnogeneza chuvashei po dannym yazyka* [Ethnogenesis of the Chuvash According to Their Language]. *Sovetskaya ehtnografiya*. No. 3, pp. 79–92. Moscow. (In Russian)
28. Mamedov, A. (1985). *Tyurkskie soglasnye anlaut i kombinatorika* [Turkic Anlaut Consonants and Combinatorics]. 206 p. Baku, Ehlm. (In Russian)
29. Andreev, I. A. (1997). *Chuvashskii yazyk* [The Chuvash Language]. *Yazyki mira. Tyurskie yazyki*. 481 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

30. Akhmet'yanov, R. G. (1978). *Sravnitel'noe izuchenie tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [A Comparative Study of the Tatar and Chuvash Languages]. 248 p. Moscow. Nauka. (In Russian)

31. Baskakov, N. I. (1969). *Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the Study of Turkic Languages]. 383 p. Moscow. Vyssh. Shkola. (In Russian)

32. Egorov, N. I. (1992). *Problemy geneticheskoi i khronologicheskoi stratifikatsii leksiki chuvashskogo yazyka i teoriya bulgaro-chuvashskoi ehtnoyazykovoi preemstvennosti: avtoref. dis... d-ra filol. nauk* [Problems of Genetic and Chronological Stratification of the Chuvash Language Vocabulary and the Theory of the

Bulgaro-Chuvash Ethno-Linguistic Continuity: Doctoral Thesis Abstract]. Alma-Ata, 82 p. (In Russian)

33. Bakirov, M. Kh. (2021). *K voprosu o proiskhozhdenii tokuz-oguzskikh ehlementov v bulgaro-tatarskom literaturnom yazyke* [On the Origin of the Tokuz-Oghuz Elements in the Bulgaro-Tatar Literary Language]. *Filologiya i kul'tura*. Kazan', pp. 23-28. (In Russian)

34. Gening, V. F. (1989). *Nekotorye voprosy periodizatsii ehtnicheskoi istorii drevnikh bulgar* [Some Issues of Periodization of the Ancient Bulgars' Ethnic History]. *Rannie bulgary v Vostochnoi Evrope*. Pp. 24–43. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 16.03.2022

Поступила в редакцию 16.03.2022

Бакиров Марсель Хаernasович,
доктор филологических наук,
профессор,
Республиканский Центр внедрения
и сохранения традиций в сфере культуры,

420060, Россия, Казань,
Пушкина, 66 / 33.
bakirovvolk@mail.ru

Bakirov Marsel Haernasovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Republican Center for Implementation
and Preservation of Traditions in the Field
of Culture,
66/33 Pushkin Str.,
Kazan, 420060, Russian Federation.
bakirovvolk@mail.ru